

УДК 130.121:123.1

В.Н. Шаповал

Харьковский национальный университет внутренних дел,
д. филос. н., проф. кафедры гуманитарных дисциплин

МЕОНИЧЕСКАЯ СВОБОДА Н.А. БЕРДЯЕВА

В статье рассмотрены некоторые вопросы метафизики свободы Н.А. Бердяева, связь свободы с ценностными ориентациями человека и проблемами духовности в современном мире.

Ключевые слова: свобода, человек, Бог, бытие, меон.

© Шаповал В.Н., 2011

В.М. Шаповал

МЕОНІЧНА СВОБОДА М.О. БЕРДЯЄВА.

В статті розглянуто деякі питання метафізики свободи М.О. Бердяєва, зв'язок свободи з ціннісними орієнтаціями людини та проблемами духовності у сучасному світі.

Ключові слова: свобода, людина, Бог, буття, меон.

V. Shapoval

THE MEON FREEDOM OF N. BERDYAE

Some questions of metaphysics, are considered in the article, connection of freedom with the valued orientations of person and problems of spirituality in the modern world.

Keywords: freedom, person, God, being, meon

Тема свободы является одной из наиболее широко обсуждаемых в мировой философии. Русская философия «Серебряного века» не осталась в стороне от этого процесса. Одним из тех, кто внес существенный вклад в исследование данной проблемы, был Н.А. Бердяев. О философской концепции Бердяева вообще и о его взглядах на свободу, в частности, сказано немало, литература на эту тему достаточно обширна [см.: 6]. Однако говорить о том, что эта тема исчерпана, было бы преждевременным. Нынешняя социальная реальность, существенным образом отличаясь от той, в которой жил и творил Бердяев. Однако во многом она сформировалась в результате борьбы за свободу, является своеобразным результатом этой борьбы. Свобода продолжает оставаться одной из ведущих ценностей нынешнего века. В этой связи представляется интересным выяснить, в какой степени то, о чем размышлял Бердяев в отношении настоящего и будущего свободы, является актуальным, насколько оправданы притязания русского философа на полноту понимания сущности человеческой свободы.

Несмотря на широкий спектр вопросов, затрагиваемых в творчестве Бердяева, человек, смысл и цель его существования, его свобода всегда оставались в центре его философских интересов. Согласно мнению Бердяева, каждая человеческая личность должна рассматриваться как нечто уникальное, неповторимое, единственное в своем роде. Философ различает понятия личности и эмпирического человека. Последний представляет собой, с одной стороны, порождение природы, с другой стороны, он – продукт социума и культуры. Эмпирически существующего человека можно назвать индивидуумом, но не личностью. Личность – это нечто духовное. Главной ее характеристикой является свобода. Причем, нельзя сказать, что личность «обладает свободой», она и есть сама свобода. Всё это говорит о экзистенциальном характере философствования Бердяева. Его концепцию следует назвать персоналистским экзистенциализмом, она неразрывно связано с христианской религиозной доктриной [см.: 2, с. 68].

Бердяев Н.А. не согласен с теми определениями человека, которые давались традиционной философией. Личность нельзя мыслить, как субстанцию, это выглядело бы натурализмом. Философ не разделяет идущее от античности определение человека только как разумного существа. Разум – это якобы та определяющая характеристика, которая отличает человека от животного. Трудно спорить с тем, что человек – разумное существо, однако, по Бердяеву, не это является его главным отличием. Свести человека к разумности – это значит лишить его уникальности, а значит, – личности. Бердяев категорически возражает против растворения личности в толпе, в массе, что связано с утратой ею самобытности, а значит своей свободы. Любая всеобщность – это безличное начало, личность же определяется им как принципиально необщее.

Человек, согласно Бердяеву, – существо парадоксальное. Как полагал философ, не личность есть часть универсума, а универсум – часть личности. Личность не может быть познана как один из объектов в ряде других объектов мира. Идя по этому пути, невозможно раскрыть тайну человека как экзистенциального центра мира. «Личность, – отмечал мыслитель, – познается лишь как субъект, в бесконечной субъективности, в которой скрыта тайна существования» [2, с. 18].

Парадоксальность человека проявляется в его свободе. Разрабатывая свою концепцию свободы, Бердяев выступает противником предшествующей этики, основанной на различении добра и зла. Отталкиваясь от Ф. Ницше, он заявляет, что высшие ценности лежат по ту сторону добра и зла. Этика вообще не нуждается в этих понятиях. «Мы достигаем более существенного и глубокого результата, – отмечал мыслитель, – когда поймем, что наши оценки по критериям добра и зла носят символический, а не бытийственный характер. «Добро» и «зло», «хорошее» и «плохое» не выражают реального бытия... Глубина бытия в себе, глубина жизни совсем не «добрая» и не «злая», не «нравственная» и не «безнравственная...» [1, с. 33].

Свобода для Бердяева – это отсутствие какого бы то ни было ограничения извне и изнутри. Самоограничение – такая же несвобода, как и внешнее принуждение. Свобода – это жизнь, соответствующая божественному замыслу. Абсолютной свободой в таком понимании обладает только Бог, понятый как чистая, всемогущая воля, одним своим актом творящая бытие. Человеку не дана такая воля. Он – существо конечное, несовершенное и греховное. Но это никак не умаляет божественного образа, заключенного в нем. Человек – не только как творец мира, но и творец самого себя. Создавая свой особый мир, самореализуясь, он совершает своеобразный прорыв из царства необходимости в царство свободы.

Бердяев поддерживал то мнение, что свобода носит духовный характер, что дух – это и есть свобода. Было бы иллюзорным искать свободу в природном мире. Порядок свободы и порядок природы коренным образом отличаются друг от друга. «Дух не знает внеположности, не знает принуждающих его объективных предметов. В духе все определяется из глубины... Обрести подлинную свободу значит войти в духовный мир» [4, с. 87]. Такое понимание свободы является центральной идеей христианства. «Без свободы, – указывал философ, – непонятно ни миротворение, ни грехопадение, ни искупление. Без свободы нельзя понять феномена веры. Без нее невозможна теодицея. Без свободы нет смысла мирового процесса» [4, с. 89]. Особенностью христианских трактовок свободы является то, что здесь имеет место не дифференциальная постановка вопроса о свободе воли, а интегральная постановка вопроса о свободе духа. Свобода видится здесь как целостная атмосфера духовной жизни, ее первооснова.

Понимаемая таким образом свобода нуждается в особых способах ее познания. По мнению Бердяева, вопрос о свободе, «не есть вопрос о свободе воли в его натуралистически-психологической и педагогически-моралистической постановке. Это есть вопрос о первооснове бытия, о первооснове жизни» [4, с. 88]. От того, как будет пониматься свобода, зависит самое восприятие бытия. «Нужно выбирать между двумя философиями, – подчеркивал Бердяев, – философией, признающей примат бытия над свободой, и философией, признающей примат свободы над бытием...» [2, с. 65].

Духовные искания Бердяева приводят его к мысли, что проблема свободы духа не может быть разрешена рационально-философскими методами. Было бы наивно думать, что может быть найдено какое-то положительное логическое понятие свободы, с помощью которого «тайна свободы стала бы проницаемой». Свобода есть самое движение жизни, а жизнь постижима лишь в опыте жизни. Ее нужно исследовать в ее трагической диалектике, переходах в свою противоположность, в разных духовных проявлениях. Свобода не есть нечто застывшее, статическое, это – внутренняя

динамика духа. Именно поэтому проблема свободы является преимущественно религиозной. Свобода духа, как и бессмертие, не есть естественное состояние человека, как природного существа. «Свобода духа есть новое духовное рождение, раскрытие духовного человека» [4, с. 90]. Свобода – это вхождение у иной порядок бытия, порядок бытия духовного, это – самоопределение изнутри и в этом своем качестве она противоположна всякому определению извне, которое является необходимостью.

Несмотря на многообразие форм своего проявления, у свободы два основных смысла: свобода возвышающая, ведущая к гармонии и низвергающая, приводящая к хаосу. Возвышающей называют свободу, связанную с разумом, добром, истиной и красотой. В истории философии многие, начиная с Сократа, говоря о свободе, имели в виду именно эту свободу. Но есть и другая свобода. Она называется иррациональной или дионисийской, она предшествует добру и злу и предопределяет сам выбор между ними. Это – свобода, «как темный исток жизни, как первичный опыт, бездна, лежащая глубже самого бытия, и из которой бытие определяется» [4, с. 92]. По мнению Бердяева «В мире действуют три принципа — Промысел, т. е., сверхмирный Бог, свобода, т. е., человеческий дух, судьба, рок, т. е., природа, осевшая, отвердевшая из меонической, темной свободы» [1, с. 28]. Взаимодействие этих трех принципов и порождает все многообразие мировой и человеческой жизни.

Внешний мир наполнен насилием и злом. «В первом акте, акте миротворения, Бог является как Творец. Но в акте миротворения не может быть предотвращена возможность зла, заключенная в меонической свободе». [1, с. 24]. Причина зла, рабства и несвободы – объективация. Единственным оправданным отношением к внешнему миру в этой связи может быть только отрицание объективации, бунт против мира. Свобода противостоит объективации. Но она противостоит не только этому миру, природной и социальной необходимости, но и бытию вообще. Более того, она противостоит самому Богу. «Бог-Творец всемогущ над бытием, – подчеркивал Бердяев, – над сотворенным миром, но он не властен над небытием, над несотворенной свободой» [1, с. 39].

Бытию противостоит небытие или ничто. Стремясь обосновать свободу с помощью ничто, Бердяев обращается к учению об *Ungrund* философа-мистика Я. Бёме. «Из Божественного Ничто, из *Gottheit*, из *Ungrund*'а рождается Св. Троица, рождается Бог-Творец. Творение мира Богом-Творцом есть уже вторичный акт... свобода не сотворена Богом-Творцом, она вкоренена в Ничто, в *Ungrund*'е, первична и безначальна. Человек есть дитя Божье и дитя свободы – ничто, небытия, меона [1, с. 23]. Согласно Бёме, в основе божественного бытия лежит бессознательная, иррациональная потенция Бога, предшествующая его актуализации. *Ungrund* – бесконечная и непостижимая бездна, являющаяся источником всякого бытия, в том числе и Бога. В учении Бердяева свобода связана с этим ничто, первичным хаосом или чистой потенцией. «Мир и центр мира человек – творение Бога через Премудрость, через Божьи идеи и вместе с тем дитя меонической несотворенной свободы, дитя бездны, небытия. Этот элемент свободы не от Бога-Отца, он предшествует бытию». [1, с. 27].

Бердяев Н.А. вносит коррективы в учение Бёме об *Ungrund*. Его ничто есть «основа» и «безосновность» в Боге. Она не может гарантировать полную свободу человека, так как это есть не божественное ничто. Если бы человеческая свобода имела свои корни в Боге, то человек находился бы в зависимости от Бога, то есть, был бы несвободен. Изначальное ничто следует мыслить как независимое от Бога, самостоятельное начало и только в нем могут быть найдены основания человеческой свободы. Свобода ничем не определяется, она имеет корень в самой себе, только в этом случае она – действительная свобода.

Поскольку в основе сущего лежит ничто или хаос, то зло в мире происходит не от сотворившего мир Бога, а от свободы, которая существовала до Бога. Бердяев полагал, что эта лежащая вне Бога свобода была открыта только в эпоху христианства. В иррациональной свободе присутствует непостижимая для античности бесконечность, возможность торжества хаоса. Античная философия пыталась избежать хаоса. Свобода для античности – это торжество формы. В христианстве признание оснований иррациональной свободы необходимо для того, чтобы совместить, с одной стороны, всеблагость и всемогущество Бога, а с другой, мировое зло. Но существует ли в таком случае абсолютное добро и можно ли воплотить его в реальной действительности? Если Бог как абсолютно благое существо отвергается, то тем самым мы вступаем на путь относительного добра, его релятивности, а по сути, упразднения добра как такового. Именно из глубинной, иррациональной свободы исходит человек, через нее избирает свой путь и принимает высшую истину и добро. Возвышающая свобода получает всестороннее развитие, когда индивид побеждает в себе низшие, иррациональные побуждения во имя высших духовных начал.

От самого человека зависит, принимать или не принимать Божественную истину и добро. Но Бог и его божественная истина не могут быть навязаны насильственно. Основания духовной, нравственной жизни состоят в том, что они принимаются добровольно. Свобода человека обосновывается требованиями Божьей воли. Но эта воля состоит в том, чтобы человек был свободен духом. Такая свобода – это не только исполнение Божественного предназначения, но и свободное признание Бога как сущего. «На этой глубине, – подчеркивал Бердяев, – обосновывается свобода, как первооснова бытия, предшествующая всякой организованной жизни» [4, с. 94]. Свобода связана не только с формой жизни, но с ее содержанием, причем, с иррациональным содержанием. Она связана с бесконечностью бытия, с бесконечными потенциями духа. «Человек, – полагал Бердяев, – несет в себе знак богоподобия, образ божий, он есть Божий замысел. Но он небожественен по природе, ибо тогда он не был бы свободен. Свобода человека предполагает возможность обожения и возможность загубления Божьего образа в человеке» [4, с. 95]. Если бы человек был лишен свободы зла, то он был бы не способен творить добро.

Как рациональная, так и иррациональная свобода по своей сути глубоко трагичны, потому что постоянно рискуют перейти в свою противоположность, в необходимость и рабство. Изначальная иррациональная свобода сама по себе не дает никаких гарантий того, что человек добровольно встанет на путь поиска истины, абсолютного добра, придет к Богу. Бесконечные потенции открывают дорогу самым разнообразным актуализациям. Человек легко может стать рабом низших стихий природного свойства или внутренних стихий и тем самым встать на путь зла. Иррациональная свобода проявляет себя как в индивидуальной, так и в социальной жизни. Войны, революции, бунты, ввергающие общества в анархию являются проявлением иррациональной свободы. Такая свобода и порожденное ею отпадение от божественного центра жизни есть «один из моментов мистерии духа». Диалектика иррациональной свободы «порождает трагедию мирового процесса, из которой нет выхода ни через эту свободу, ни через порожденную ею необходимость» [4, с. 96].

Свобода во втором, рациональном смысле также несет в себе глубинные противоречия, ее также подстерегает опасность перехода в необходимость и рабство. Последнее связано с насилием в добре, с попытками принудительного счастья, навязываемого людям, и созданием для этого тиранических форм организации общественной жизни. Если первая свобода в ее крайних формах приводит к анархии, то вторая ведет к тоталитаризму теократического или социалистического толка, в которых свобода духа истребляется полностью.

Трагическая диалектика свободы состоит в том, что и та, и другая несут в себе внутренние противоречия, которые могут привести к их гибели. Главная причина такой гибели – в отпадении от духовного мира. Каким же видится путь спасения свободы? «В человеке, – писал Бердяев, – есть принцип свободы, изначальной, ничем и никем не детерминированной свободы, уходящей в бездну небытия, меона, свободы потенциальной, и есть принцип, определенный тем, что он есть образ и подобие Божье, Божья идея, Божий замысел, который она может осуществить или загубить. [1, с. 132]. Природный человек мечется, переходя от иррациональной к рациональной свободе и обратно, повсеместно наталкиваясь на непреодолимый конфликт свободы и необходимости, свободы и рабства. Избавить свободу от порождаемого ею зла можно, обращаясь к Христу. «Источник свободы человека, – подчеркивал Бердяев, – лежит в Боге, но не в Боге-Отце, а в Боге-Сыне» [4, с. 99]. Согласно христианской традиции, Сын Божий не только Бог, но и человек, духовный человек. Свобода Сына и есть та свобода, в которой и через которую возможно свободное обращение к Богу-Отцу. В Сыне совершается свободный ответ на Божий зов любви, на Божью потребность в своем другом. Свобода Сына Божьего имеет источник в себе самой, это есть свобода абсолютной духовности, не знающей никакого внешнего определения. «Получить свободу от Христа не значит только получить свободу от самого Бога, но значит получить свободу для обращения к Богу, для ответа на Божью потребность в любви» [4, с. 99]. Высшая свобода возможна только в Христе. Но Христос должен быть принят свободно. Евангельские слова: «Стремитесь к истине, и истина сделает вас свободными», – следует понимать так, что божественная истина освободит человека только тогда, когда он сам, по своей воле придет к Христу. Бог ждет свободного отклика на его зов. Мало принять истину Бога, нужно принять ее *свободно*.

Человек – это существо, обладающее огромной творческой энергией. В то же время, человек вынужден подчиняться материальной необходимости или объективации. Преодоление объективации, согласно Бердяеву, возможно на путях творчества. «Творчество предполагает ничто, *thou* (а не *ousoi*). И этот меон есть тайна изначальной, первичной, домирной, добытийственной свободы в человеке. Тайна творчества и есть тайна свободы» [1, с. 74]. Человек сам по себе не есть образ и подобие Бога в полном смысле этого слова. Только свободно становясь на путь любовного единения с Богом, он получает шанс стать целостной личностью, соответствующей божественному замыслу богоподобности. «Творческий подвиг человека есть исполнение сокровенной воли Творца, который и требует свободного творческого акта. Но творчество по метафизической своей природе есть всегда творчество из ничего, т. е., из меонической свободы, предшествующей самому миротворению [1, с. 29]. Одновременно с любовью к Богу, человек должен возлюбить ближнего своего как самого себя. Такое воссоединение в любви есть творчество, поднимающее человека из мира необходимости в царство свободы. Любовь творит иную, новую реальность, создает предпосылки для жизни вечной. «В творческом акте любви, – отмечал Бердяев, – раскрывается тайна лица любимого... Любящий знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и любящий всегда более прав, чем весь мир. Только любящий подлинно воспринимает личность, разгадывает ее гениальность» [5, с. 428].

По мнению Бердяева общественного прогресса как такового не существует. Смысл истории – в обретении каждым человеком в процессе собственной эволюции «мира свободного духа». Такое обретение – вне реального исторического времени. Всё внешнее, материальное есть лишь символизация совершающегося в глубинах духа. Согласно глубокому убеждению философа, «Цель человека, – не спасение, а творческое восхождение» [5, с. 335].

Апофеоз философского творчества связывается Бердяевым с персоналистической метафизикой. Здесь развивается учение о преодолении «объективации духа». Философ указывал, что в нем всегда жила «влюбленность в высший мир», а к низшему миру – только жалость, потому что этот мир есть не подлинное бытие, а лишь «объективация духа». Бердяев указывал, что есть два пути самореализации личности: «объективация» или принятие общеобязательных форм жизни и трансцендирование или жизнь в свободе.

Мыслитель выступал за примат личного над социальным, против практики подчинения индивида общественным утилитарным целям. Он видел, что в современном ему обществе происходит не освобождение человека, несмотря на все декларации о постоянной борьбе за свободу, а в лучшем случае, смена одного вида рабства другим. И в этом трагизм человеческой истории. Человек создает сверхорганизованное общество, насыщенное наукой и техникой, но при этом становится рабом машины, сам постепенно превращается в машину [см.: 1, с. 198].

Многое из того, о чем говорил Н.А. Бердяев, стало реальностью, причем, тревожной, угрожающей реальностью. Стремление к абсолютной индивидуальной свободе обернулось тривиальной погоней за материальным благополучием, потребительством в худшем смысле этого слова, необратимо истощающим природные ресурсы. Борьба за максимальную социальную свободу выродилась в новые формы социального порабощения человека, тотальным господством техники и циничным манипулированием сознанием. Стремление освободиться от власти природы обернулось небывалым в истории экологическим кризисом, когда под вопрос поставлено будущее человеческой цивилизации.

Бердяев Н.А. стремился показать свободу как нечто абсолютное. Это – свобода, которая не может быть сопряжена с какими бы то ни было ограничениями, она исключает рядом с собою какую бы то ни было необходимость. Предполагая свободу до всякого творения, до самого Творца, Бердяев сопрягает ее с первоначальным хаосом. Творение Богом мира произошло в результате свободного воления Создателя. Однако структура и динамика мира показывают, что Бог заложил в основу всего сущего законосообразность, т.е. необходимость, прочно связав последнюю со свободой. Таким образом, между свободой и необходимостью нет непроходимой пропасти, они отнюдь не исключают друг друга, напротив, являются существенными моментами одного и того же целого.

Сама по себе попытка трактовать свободу, как нечто абсолютное, является достаточно рискованной, поскольку наталкивается на существенные противоречия. Можно допустить свободу до Бога, но, поскольку Бог есть абсолют, то в таком случае мы будем иметь как бы два абсолюта, что само по себе абсурдно. Причем, абсолют свободы оказывается первичным по отношению к абсолюту Бога. Предоставляя свободе, условно говоря, полную «свободность», лишая ее всяких связей и отношений, мы обращаем ее в пустоту, в небытие. Свобода, лишённая каких бы то ни было границ, уничтожает самое себя, перерождаясь в чистое ничто. Причем, это – не то творческое ничто, из которого рождаются миры; указанное ничто становится абсолютной, лишённой всякого развивающего начала пустотой, неспособной породить что-либо сущее.

У Бердяева Н.А. абсолютная свобода отнюдь не является устремлением к дурной бесконечности. Смысл ее – в любовной симфонии с Божеством. При этом свобода не является неким абсолютным благом. Напротив, она есть бремя, от которого человек толпы стремится избавиться, предпочитая свободе хлеб насущный. Подлинная свобода предполагает немалые усилия в преодолении внешней объективации, покорение новых и новых вершин духа. Именно в отстаивании непреходящей ценности

духовных начал в жизни отдельного индивида и общества главное значение философии свободы Н.А. Бердяева.

Перечень ссылок

1. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/rabstvo/index.html>
3. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 448 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
6. Бердяев Н.А.: Pro et contra. Антология. Кн. 1. – СПб.: Изд-во русского христианского гуманитарного института, 1994. – 574 с.